

Альтернатива грубой силе

Можем констатировать, что промежуточный финиш в российско-американском противостоянии оказался за Россией.

Утверждая это, я имею в виду не только и не столько ситуацию в Сирии, на Украине, в ЕС и даже в МВФ. В каждом из перечисленных случаев и еще в десятках, оставшихся за пределами нашего внимания, Вашингтон сталкивается с нарастающими трудностями в проведении своей политики, а вся оппозиция американскому доминированию (какой бы она ни была) ищет опоры в России. Укрепление международных позиций России принципиально важно, но не будем забывать, что, иницируя глобальный военно-политический кризис, США допускали, что РФ сможет установить военный контроль над некоторыми регионами (в частности, ту же Украину они готовы были принести в жертву, что давали ясно понять весной 2014 года).

Обратный эффект

Стратегия Америки была более глубокой, чем кажется на первый взгляд. Жертвуя качеством, а в некоторых случаях уступая и инициативу, Вашингтон был намерен втянуть Россию в серию конфликтов, которые позволили бы представить ее в качестве единственной и неповторимой угрозы миру во всем мире, непредсказуемого агрессора, единственным политическим аргументом которого является военная сила. Это должно было лишить Россию союзников, сплотить вокруг США (как единственного защитника от агрессии ракетно-ядерного монстра) страны, обладающие контрольным пакетом в мировой экономике и боящиеся военной угрозы своему благополучию.

В таком формате экономические санкции должны были стать убийственными для России, поскольку была бы блокирована возможность маневра торговыми партнерами. Политика импортозамещения не смогла бы дать ощутимый эффект в обозримый промежуток времени. Далее США (кстати вкпе со всей российской оппозицией) ожидали «разорванной в клочья экономики РФ», падения до исчезающе малых величин рейтинга власти, подъема волны народного недовольства, роста внутриэлитной оппозиции.

В конечном итоге потерявшая поддержку общества

и бюрократии, лишённая пространства для маневра власть должна была бы уйти. По-хорошему или по-плохому — второй вопрос.

Вместо этого мы видим рост рейтинга Путина (олицетворяющего в глазах народа всю систему российской власти) с менее чем 60% в 2012 году до почти 90% в 2015 году. И это на фоне отчаянной пропаганды, направленной на дискредитацию российской политики в Сирии и на Украине. Рост доверия к власти в условиях глобального системного кризиса, достаточно серьезно затрагивающего Россию, является главным достижением стратегии, на которую ба-

юющие внутривнутриполитическую ситуацию, развиваются на международном фронте.

О преимуществах широкого взгляда

Коротко я бы назвал выигрышную политико-дипломатическую стратегию России стратегией Минска. Конечно, термины «Минск» и «Минск-2» являются не самыми популярными у донбассоцентричной части российского политического актива, акцентирующего внимание на гибели русских Донбасса, на попытках национализации подрастающего поколения, на агрессивности киевского режима, мечтающего дестабилизировать Россию и т.д. и т.п.

Но проблема возникает, только если не видеть даль-

ской идеологии, признающей примат крови, а не цивилизационной или территориальной общности.

Внешнеполитическая стратегия Москвы

На деле Минск является локальным, но наиболее концентрированным выражением российской внешней политики. В его рамках легко определяются следующие базовые моменты внешнеполитической стратегии Москвы:

1. Признание примата международного права и акцентирование внимания на недопустимости его произвольных трактовок, опирающихся на право силы.

2. Отказ от подавления политических оппонентов силой в пользу поли-

вать Таможенный союз. А ведь Казахстан и Белоруссия долгое время опасались российского диктата, основанного на абсолютном политическом и экономическом превосходстве. И в России были горячие головы, которые предлагали устроить «этим наглецам» обструкцию, блокировать экономические связи и ждать, «когда сами приползут» (как сейчас они рвутся стереть с лица земли вторую половину). Если бы эта концепция была реализована, сейчас Россия не имела бы ни Таможенного, ни Евразийского экономического союзов, не расширялась бы опережающими темпами Шанхайская организация сотрудничества, не проходила бы институционализация БРИКС, а Обама без особых усилий составил бы антироссийскую коалицию.

Альтернатива американской грубой силе

Почему? По одной простой причине. К 2010 году США, конечно, смертельно надоели своей наглостью не только России, но и всему остальному миру, включая своих ближайших союзников.

Но, во-первых, они были признанным гегемоном, с причудами которого уже свыклись и знали, как реагировать, чтобы не создавать себе проблем. Во-вторых, никто не желал менять слона в посудной лавке на медведя на воеводство. То есть если бы Россия начала действовать в международной политике так же, как действовали США, она со своими амбициями была бы никому не нужна.

Ну а голой военной силой переформатировать мир под себя еще ни у кого не выходило. Те же США добились наибольших успехов, когда в них верили как в справедливого арбитра и подчинялись добровольно. А как только начались Афганистан, Ирак, Югославия, Ливия, Сирия — возникли и проблемы с вассалами, союзниками и партнерами, которые не рисковали бунтовать открыто, но изящно саботировали многие американские инициативы, перенапрягая военные силы, экономику и финансы США.

Россия смогла предложить не только себя в качестве альтернативного США лидера, но и новую концепцию мироустройства, воспринимая партнерами как справедливую. Она еще не полностью оформлена структурно. Во многих случаях (как, например, в МВФ) идет борьба за перефилирование механизма обеспечения мирового господства США в механизме реализации интересов всего мирового сообщества (либо будет запущен на полную мощь альтернативный проект в виде Банка БРИКС).

Сегодня единственной гарантией справедливости будущего мироустройства служит международное поведение России, доказавшей свою способность на равных противостоять США в режиме военно-политической и финансово-экономической конфронтации, но принципиально не использующей свои возможности для подавления более слабых государств и принуждения их к следованию в фарватере собственной политики.

Кратко резюмируя: США опираются на вынужденные союзы, учитывающие только интересы Вашингтона, а Россия на добровольные — взаимовыгодные. Последние надежнее, поскольку союзники не просто боятся наказания, но заинтересованы в сохранении приносящего им выгоду взаимодействия.

Не знаю, как по аналогии с ялтинско-потсдамским назовут прекрасный новый мир, но думаю, что Минск как стартовая точка практической реализации новой, альтернативной американской политике грубой силы, российской внешнеполитической стратегии взаимовыгодного сотрудничества, должен в этом названии присутствовать.

Ростислав Ищенко

зируется Москва в противостоянии с Вашингтоном.

Главная угроза России исходит извне — США пытаются создать в стране разрушительное оппозиционное движение, для которого нет внутренних причин, иначе экономный Вашингтон не тратил бы на выращивание хоть какой-то оппозиции десятки миллиардов долларов.

На международном фронте идет и главная видимая борьба — борьба концепций мироустройства, в конечном счете являющейся борьбой за союзников (сохранение лояльности старых и приобретение новых). Поэтому и рассматриваемая российская стратегия является внешнеполитической — внутри страны речь идет скорее об объеме наличных ресурсов, которые можно направить на реализацию уже существующих социальных проектов и на минимизацию негативных последствий американской атаки на российскую экономику и финансы. Главные же события, определя-

ше 200 километров за западной границей России и мыслить исключительно трайбалистскими категориями — «там наши люди, а не какие-то сирийцы, туда и войска посылать надо». Государство, тем более глобальное государство, какое сегодня является Россия, не может руководствоваться в политике исключительно этническими категориями — у него для этого слишком дифференцированные интересы, в каждом отдельно взятом регионе планеты.

Кстати, даже опыт нацистской Украины свидетельствует о бесперспективности узкоэтнического подхода. Понимая, что украинцы создаются путем переформатирования русских, киевская власть и нацистские идеологи вполне допускают и даже приветствуют участие в своем движении паспортных русских и даже граждан РФ. Требований немного: любить Украину, стремиться в Европу, почитать США и ненавидеть Россию. То есть государственные интересы оказываются даже выше нацист-

тики нахождения взаимоприемлемого компромисса. При этом надо понимать, что ни режим Порошенко на Украине, ни террористы ИГИЛ в Сирии в качестве партнеров по переговорам, с которыми возможен компромисс, не рассматриваются (применительно к Украине об этом четко говорится в Минских соглашениях, которые предусматривают конституционное переформатирование государственной власти, а фактически переучреждение государства). Компромисс в Минске мы ищем с европейскими партнерами, в Сирии — с более широким и пока до конца не определившимся пулом заинтересованных государств.

3. Равенство интересов действительно суверенных государств (независимо от их политического, экономического веса и военной мощи) в ходе переговорного процесса. Именно такой подход дал в свое время России возможность сформиро-